

Юрий Ладохин

**Венеция –
Петербург:
битва
стилей
на Мосту
вздохов**

*Из цикла
«Филология для
эрудитов»*

Юрий Ладохин
Венеция – Петербург:
битва стилей на Мосту
вздохов. Из цикла
«Филология для эрудитов»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24503395
ISBN 9785448535451

Аннотация

Для тех, кто хочет поразмышлять, почему фраза «Петербург – это северная Венеция» имеет под собой реальные основания, и, в то же время, содержит гораздо больше оттенков, чем принято считать – эта книга. Как и для тех, кто хочет узнать, чем закончилась «битва стилей на Мосту вздохов» между создателями Собора Святого Марка, Дворца дожей, Арсенала, «Золотого дома» – с одной стороны, и Петропавловского собора, Зимнего дворца, Адмиралтейства, Мраморного дворца – с другой.

Содержание

Глава 1. «По каналам посребренным //	5
Опрокинулись дворцы...» (города у воды)	
1.1. «Петербург – это северная Венеция»	5
1.2. «Время выходит из волн, меняя // стрелку на башне – ее одну...»	10
1.3. «Где вечно плакали туманы // Над далью моха и воды...»	21
1.4. «Над тихой водой канала // Подскакивают вверх мосты»	25
Глава 2. «Взгляни: вселенная – сквозной,	34
бездонный ветер – // Швыряет пыль в глаза строителю хором» (чудо-города вопреки)	
2.1. Утопия «у топи»	34
2.2. В окружении врагов	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

**Венеция – Петербург: битва
стилей на Мосту вздохов
Из цикла «Филология
для эрудитов»**

Юрий Ладохин

Посвящается любимой жене Ольчке

© Юрий Ладохин, 2018

ISBN 978-5-4485-3545-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. «По каналам посребренным // Опрокинулись дворцы...» (города у воды)

1.1. «Петербург – это северная Венеция»

Во всем знакомой фразе «Петербург – это северная Венеция» есть свой резон и причем немалый. Во-первых, оба города стоят у воды: Венеция – на 118-ти островах в лагуне Адриатического моря; Петербург – на 42-х островах в дельте реки Невы у Балтийского моря. Отсюда – множество мостов: в Венеции их триста пятьдесят; в Петербурге – триста сорок два.

Во-вторых, возведение зданий, и особенно крупных, можно назвать настоящим строительным чудом, так как оба города стоят практически на болоте. Отсюда – необходимость титанических усилий, достойных мощи гомеровского циклопа Полифема. К примеру, для сооружения платформы под грандиозную по размерам церковь Санта-Мария-делла-Салюте было вбито более миллиона (!) дубовых, ольховых и лиственных свай. Под величественным Исаакиевским со-

бором свай поменьше: около одиннадцати тысяч, но зато поверх их – еще два ряда массивных гранитных блоков.

В-третьих, изумительная красота этих городов, позволяющая сравнить их с гигантскими шкатулками, доверху наполненными художественными сокровищами. Отсюда – безусловное признание культурного феномена Венеции и Петербурга со стороны самых взыскательных искусствоведов. Венеция полностью включена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, как целостный градостроительный шедевр, созданный гением архитекторов Сансовино, Кодуччи, Лонгены, Палладио, художников Джорджоне, Тициона, Тинторетто, Веронезе, скульпторов Донателло, Верроккио. Под охраной ЮНЕСКО находится и исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним комплексы памятников, выполненных усилиями величайших зодчих Растрелли, Росси, Захарова, Монферрана, живописцев Брюллова, Боровиковского, Бруни, скульпторов Клодта, Мартоса, Пименова.

Прозой, пожалуй, невозможно передать очарование от предстоящего перед глазами великолепия. Призовем на помощь поэзию. Можно сравнить сказочную Венецию с блистающим на солнце пристанищем главных пернатых города, как это сделала Анна Ахматова:

«Золотая голубятня у воды,
Ласковой и млеюще-зеленой;
Заметает ветерок соленый
Черных лодок узкие следы.

Сколько нежных, странных лиц в толпе.
В каждой лавке яркие игрушки:
С книгой лев на вышитой подушке,
С книгой лев на мраморном столбе»
(из стихотворения «Венеция», 1912 г.)

Мерцающие отражения в воде – это романтичный образ Венеции по Афанасию Фету:

«Лунный свет сверкает ярко,
Осыпая мрамор плит;
Дремлет лев святого Марка,
И царица моря спит.
По каналам посребренным
Опрокинулись дворцы,
И блестят веслом бессонным
Запоздалые гребцы»
(из стихотворения «Венеция ночью», 1847 г.)

В поэтических фантазиях Алексея Апухтина Венеция предстает перед ним как миниатюрная волшебница из кельтской мифологии:

«А издали, луной озарена,
Венеция, средь темных вод белея,
Вся в серебро и мрамор убрана,
Являлась мне как сказочная фея.
Спускалась ночь, теплом и счастьем вея;

Едва катилась сонная волна,
Дрожало сердце, тайной грустью сжато,
И тенор пел вдали «О, sol beato»...».
(из стихотворения «А издали, луной озарена...», 1874 г.).

Образ блистательного Петербурга отлит в чеканных строках Александра Пушкина:

«... Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный...»
(из поэмы «Медный всадник», 1833 г.).

Истоки «золотого сечения» прекрасных зданий города на Неве Осип Манделштам находит в точном расчете и артистичной сноровке его мастеров:

«Ладья воздушная и мачта-недотрога,
Служа линейкою преемникам Петра,
Он учит: красота – не прихоть полубога,
А хищный глазомер простого столяра.
Нам четырех стихий приязненно господство,
Но создал пятую свободный человек.
Не отрицает ли пространства превосходство

Сей целомудренно построенный ковчег?»
(из стихотворения «Адмиралтейство», 1913 г.).

Постранствовав по свету и увидев чудеса из чудес, поэт Серебряного века Николай Агнивцев готов, тем не менее, на диске земного светила разместить название только одного, любимого города:

«В моем изгнании бесконечном
Я видел все, чем мир дивит:
От башни Эйфеля до вечных
Легендо-звонных пирамид!..
И вот «на ты» я с целым миром!
И, оглядевши все вокруг,
Пищу расплавленным ампиром
На диске солнца: «Петербург»

(из стихотворения «Блистательный Санкт-Петербург», 1923 г.).

1.2. «Время выходит из волн, меняя // стрелку на башне – ее одну...»

Итак, что это такое – город на воде? Стихотворный диверсификант попробуем сменить на прозу, правда, написанную поэтом.

Проведя в Венеции семнадцать рождественских каникул, Иосиф Бродский сформировал свое, особое отношение к здешней воде. Откроем эссе «Набережная Неисцелимых», в котором поэт выразил свое восхищение перед этим местом на земле, где обитает, как он писал, «мой вариант рая». В первом случае его поразила особая чуткость, которую приобретает рассудок во время передвижения по каналам: «В путешествии по воде, даже на короткие расстояния, есть что-то первобытное. Что ты там, где тебе быть не положено, тебе сообщают не только твои глаза, уши, нос, небо, пальцы, сколько ноги, которым не по себе в роли органа, которым не по себе в роли органа чувств. Вода ставит под сомнение принцип горизонтальности, особенно ночью, когда ее поверхность похожа на мостовую. Сколь бы прочна ни была замена последней – палуба – у тебя под ногами, на воде ты бдительней, чем на берегу, чувства в большей готовности. На воде, скажем, нельзя забыться, как бывает на улице: ноги все время держат тебя и твой рассудок начеку, в равновесии, точно ты род компаса. Возможна, та чуткость, которую

приобретает твой ум на воде, – это на самом деле дальнее, окольное эхо почтенных хордовых» [Бродский 2004, с. 76].

Впрочем, думается, повышенная чувствительность поэта во время этого передвижения по Гранд-каналу объясняется нарастающим предчувствием разлуки с сопровождающей его спутницей. Но рассказчик мужественно пытается не сбиться с галса, защищаясь присущей ему иронией: «Во всякой случае, на воде твое восприятие другого человека обостряется, словно усиленное общей – и взаимной – опасностью. Потеря курса есть категория психологии не меньше, чем навигации. Как бы то ни было, в следующие десять минут, хоть мы и двигались в одном направлении, я увидел, что стрелка единственного человеческого существа, которое я знал в этом городе, и моя разошлись самое меньшее на сорок пять градусов. Вероятнее всего, потому, что эта часть Canal Grande лучше освещена» [Там же, с. 76].

Во втором фрагменте Бродский формулирует еще более непривычную гипотезу в поиске родственных связей венецианской воды. В дни зимних наступлений на город «большой воды» единокровник (*тут, видимо, вернее сказать – единокровница*) воды нашелся среди одной из муз, покровительство над которой издавна было закреплено за Эвтерпой, не расстающейся со сладкозвучной флейтой: «„Acqua alta“, – говорит голос по радио, и уличная толчея спадает. Улицы пустеют, магазины, бары, рестораны и траттории закрываются. Горят только их вывески, наконец-то присоединившись

к нарциссистским играм, пока мостовая ненадолго, поверхностно сравнивается с каналами в зеркальности. Правда, церкви по-прежнему открыты, но ведь ни клиру, ни прихожанам хождение по водам не в новинку. Ни музыке, близнецу воды» [Там же, с. 117].

Выпирающая из текста странность пары «музыка – вода» поначалу удивляет. Но дальнейшие пояснения повествователя как-то примиряют с мастерски обыгранным допущением: «Семнадцать лет назад, переходя вброд одно сапро за другим, пара зеленых резиновых сапог принесла меня к порогу розового зданьца. На стене я увидел доску, гласящую, что в этой церкви крещен родившийся раньше срока Антонио Вивальди. В те дни я еще был рыжий; я растрогался, попав на место крещения того самого „рыжего клирика“, который так часто и так сильно радовал меня во множестве Богом забытых мест» [Там же, с.117].

Парадоксальность соображений автора «Набережной Неисцелимых» о многогранном естестве венецианской воды в конце концов логично приводит поэта к философской новации, вполне, думается, соответствующей уровню суждений Платона в диалоге «Тимей» о Вечности и Времени: «Я всегда придерживался той идеи, что Бог или, по крайней мере, его дух есть время. Возможно, это идея моего собственного производства, но теперь уже не вспомнить. В любом случае, я всегда считал, что, раз Дух божий носился над водою, вода должна была его отражать. Отсюда моя слабость

к воде, к ее складкам, морщинам, ряби и – поскольку я северянин – к ее серости. Я просто считаю, что вода есть образ времени, и под всякий Новый год, в несколько языческом духе, стараюсь оказаться у воды, предпочтительно у моря или у океана, чтобы застать всплытие новой порции, новой пригоршни времени. Я не жду голой девы верхом на раковине; я жду облака или гребня волны, бьющей в берег в полночь» [Там же, с. 90].

А теперь – обозначенная прозаическая формула в поэтической виньетке того же автора:

«Рождество без снега, шаров и ели
у моря, стесненного картой в теле;
створку моллюска пустив ко дну,
пряча лицо, но спиной пленяя,
Время выходит из волн, меняя
стрелку на башне – ее одну»
(из серии «Лагуна»).

Ну, что ж, поэтический ящик Пандоры открыт, остается представить вашему, можно надеяться, заинтересованному взгляду и другие поэтические строки Бродского о венецианских водах.

Продолжая поиски в пространстве любомудрия, поэт находит еще одну, основополагающую характеристику объема, наполняющего местную лагуны, – холодное равнодушие к переменам:

«... Твердо помни:
только вода, и она одна,
всегда и везде остается верной
себе – нечувствительной к метаморфозам, плоской,
находящейся там, где сухой земли
больше нет. И патетика жизни с ее началом,
серединой, редющим календарем, концом
и т. д. стушевывается в виду
вечной, мелкой, бесцветной ряби»
(из стихотворения «Сан-Пьетро»).

Видит Бродский и принципиальное нежелание венецианской воды участвовать в каких-либо математических вычислениях:

«Шлюпки, моторные лодки, баркасы, барки,
как непарная обувь с ноги Творца,
ревностно топчут шпиди, пилястры, арки,
выраженье лица.
Все помножено на два, кроме судьбы и кроме
самой H₂O. Но, как всякое в мире «за»,
в меньшинстве оставляет ее и кровли
праздная бирюза».
(из стихотворения «Венецианские строфы (2)»).

Тем не менее, отказ от арифметики не означает полного бойкота взаиморасчетов, тем более в финансовой сфере:

«... Мятая, точно деньги,
волна облизывает ступеньки
дворца своей голубой купюрой,
получая в качестве сдачи бурый
кирпич, подверженный дерматиту,
и ненадежную кариатиду...»
(из стихотворения «С природы»).

Поэт завершает характеристику венецианских вод жирным «неуд.» за коварство и повторяющуюся с неумолимой монотонностью немилосердность во время «большой воды»:

«Адриатика ночью восточным ветром
канал наполняет, как ванну, с верхом,
лодки качает, как люльки; фиш,
а не вол в изголовьи встает ночами,
и звезда морская в окне лучами
штору шевелит, покуда спишь»
(из серии «Лагуна»).

За Бродским на поэтическом вечере в Политехническом следующим перед наэлектризованной публикой выступает Пушкин (*представим себе!*). Его пламенные строки – тоже о вероломстве и беспощадности вод, только теперь петербургских:

«Ужасный день!

Нева всю ночь
Рвалась к морю против бури,
Не одолев их буйной дури...
И спорить стало ей невмочь...
Поутру над ее берегами
Теснился кучами народ,
Любуясь брызгами, горами
И пеной разъяренных вод.
Но силой ветров от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гневна, бурлива,
И затопляла острова»
(из поэмы «Медный всадник»).

Для поэта неукротимые волны Невы в дни наводнений – словно тать, забирающий последнее:

«Осада! приступ! злые волны,
Как воры, лезут в окна. Челны
С разбега стекла бьют кормой.
Лотки под мокрой пеленой,
Обломки хижин, бревна, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бледной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба с размытого кладбища
Плывут по улицам!».

Для Пушкина овеществленная стихия невских вод беско-

нечно далека от окрашенной романтизмом стихии движения благородных разбойников вроде Робин Гуда:

«И вот, насытись разрушеньем
И наглым буйством утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своим любясь возмущеньем
И покидая с небреженьем
Свою добычу. Так злодей,
С свирепой шайкою своей
В село ворвавшись, ломит, режет,
Крушит и грабит; вопли, скрежет,
Насилье, брань, тревога, вой!..».

Но давайте поразмыслим: петербургская вода ведь взбунтовалась не внезапно, предупреждения, смысл которых в том, что на воде *«нельзя забытья, как бывает на улице»* и надо, чтобы *«твой рассудок был начеку»* (вспомним упомянутые ранее суждения Бродского об особенностях венецианской воды) ею посылались заранее. Об этом – строки русско-го поэта XIX века Степана Шевырева:

«Море спорило с Петром:
«Не построишь Петрограда;
Покачу я шведский гром,
Кораблей крылатых стадо.
Хлынет вспять моя Нева.
Ополченная водами:

За отъятые права
Отомщу ее волнами»
(из стихотворения «Петроград»).

Ответ основателя города был прогнозируемо дерзким и вполне предсказал великую будущность Петербурга:

«Речь Петра гремит в ответ:
«Сдайся, дерзостное море!
Нет, – так пусть узнает свет:
Кто из нас могучей в споре?
Станет град же, наречён
По строителе высоком:
Для моей России он
Просвещенья будет оком».

Однако в спокойной состоянии невская вода не уступит венецианской в создании атмосферы музыкальности и тихой гармонии. Особенно в часы отдыха петербуржцев на любимых ими островах:

«Качается пристань на бледной Крестовке.
Налево – Елагинский мост.
Вдоль тусклой воды серебрятся подковки,
А небо – как тихий погост.
Черемуха пеной курчавой покрыта,
На ветках мальчишки-жульё.
Веселая прачка склонила корыто,

Поет и положет бельё»

(из стихотворения Саши Черного «Весна на Крестовском», 1920 г.).

И там же, на Крестовском, словами того же поэта:

«Под мостиком гулким качается плесень.

Копыта рокочут вверху.

За сваями эхо чиновничьих песен,

А ивы – в цыплячем пуху...

Краснеют столбы на воде возле дачки,

На ряби – цветная спираль.

Гармонь изнывает в любовной горячке,

И в каждом челне – пастораль».

Как и в Венеции, в Петербурге естество воды пронизано парадигмой Времени, впрочем, думается, с некоторым национальными особенностями, которые в сжатой форме в свое время выразил Петр Столыпин: «В России за 10 лет меняется все, за 200 лет – ничего». Примерно об этом же, пожалуй, наблюдая за скованной морозом зыбью петербургских каналов, написал в 1912 году Александр Блок:

«Ночь, улица, фонарь, аптека,

Бессмысленный и тусклый свет.

Живи еще хоть четверть века —

Всё будет так. Исхода нет.

Умрешь – начнешь опять сначала

И повториться всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь».

Знакомо? Грустно? Но через год Анна Ахматова делает попытку вырваться из этой временной петли силой лирического «месседжа»; и за это ей спасибо:

«Ты свободен, я свободна,
Завтра лучше, чем вчера —
Над Невою темноводной,
Под улыбкою холодной
Императора Петра»
(«*Стихи о Петербурге*», 1913 г.).

1.3. «Где вечно плакали туманы // Над далью моха и воды...»

Города у воды, и это климатическая неизбежность, время от времени поглощаются ее порождением. Туман в Венеции порой заполняет каждую частичку объема, выполняя, по Бродскому, роль гигантского ластика: «Случилось это лишь однажды, хотя мне говорили, что таких мест в Венеции десятки. Но одного раза достаточно, особенно зимой, когда местный туман, знаменитая *nebbia*, превращает это место в нечто более вневременное, чем святая святых любимого дворца, стирая не только отражения, но и все имеющее форму: здания, людей, колоннады, мосты, статуи. Пароходное сообщение прервано, самолеты неделями не садятся, не взлетают, магазины не работают, порог уже не завален почтой» [Бродский 2004, с. 98]. Плотность венецианского тумана настолько высока, что поэт готов отнести его к одному из первосортных строительных материалов: «Туман густой, слепой, неподвижный. Последнее, впрочем, выгодно при коротких вылазках, скажем за сигаретами, поскольку можно найти обратную дорогу по тоннелю, прорытому твоим телом в тумане; тоннель этот остается открыт в течение получаса» [Там же, с. 98].

Для Бродского здешний туман настолько всемогущ, что не будет преувеличением присвоение ему монаршеского

титула: «Туман поглощал пьядцу. Вторжение было тихим, но все равно вторжением. Я видел, как пики и копыя безмолвно, но стремительно движутся со стороны Лагуны, словно пехота перед тяжелой кавалерией. „Стремительно и безмолвно“, – сказал я себе. Теперь в любую минуту их Король, Король Туман мог появиться из-за угла во всей своей клубящейся славе. „Стремительно и безмолвно“ – повторил я. Это была строчка Одена, последняя строчка из „Падения Рима“ ...» [Там же, с. 136]. И дальше – о необычном головном уборе величавого монарха: «Король Туман въехал на пьядцу, осадил скакуна и начал разматывать белый тюрбан. Его сапоги были мокры, как и его шаровары; плащ был усеян тусклыми, близорукими алмазами горящих ламп. Он был так одет, потому что понятия не имел, какой сейчас век, тем более год. С другой стороны, откуда туману знать» [Там же, с. 137].

Петербургский туман, в отличие от венецианского, в табели о рангах не только не превысил должность всесильного канцлера, но, похоже, вряд ли добрался до тайного советника. Да и то, куда ему тягаться с помазанником, нареченным именем ближайшего из сподвижников Спасителя:

«И волею неземнородной
Царя, закованного в сталь,
В пустыне, скудной и холодной,
Воздвигнут северный Версаль.
Где вечно плакали туманы
Над далью моха и воды,

Забили светлые фонтаны,

Возникли легкие сады».

*(из стихотворения Сергея Соловьева «Петербург»,
1909 г.).*

И еще о злоключениях тумана города на Неве, теперь уже из стихотворения Бориса Пастернака «Чертежный рейсфедер всадника медного...»:

«И видят окраинцы:

За Нарской, на Охте,

Туман продирается,

Отодранный ногтем.

Петр машет им шляпою,

И плещет, как прапор,

Пурги расцарапанный,

Надорванный рапорт».

Однако петербургскому туману нашлось неожиданное, но вполне практичное применение – тесное взаимодействие со стражем сразу двух ворот: из слоновой кости – для лживых снов, роговых – для снов истинных. Как вы уже, наверно, догадались, имя этого привратника – Морфей:

«Санкт-Петербург – гранитный город,

Внесенный Словом над Невой,

Где небосвод давно распорот

Адмиралтейскою иглой!

Как явь, вплелись в твои туманы
Виденья двухсотлетних снов,
О, самый призрачный и странный
Из всех российских городов!»

(из стихотворения Николая Агнивцева «Странный город», 1923 г.).

1.4. «Над тихой водой канала // Подскакивают вверх мосты»

Сооружения, которых в Венеции и Петербурге никому не миновать – это, конечно, мосты. В городе на Адриатике, где, как известно, автомобильного и другого транспорта, кроме водного, не существует, мосты – единственное утешение пешехода, вздумавшего пересечь водную гладь:

«Город чудный, чресполосный —
Суша, море по клочкам, —
Безлошадный, бесколесный,
Город – рознь всем городам!
Пешеходу для прогулки
Сотни мостиков сочтешь;
Переулки, закоулки, —
В их мытарствах пропадешь»

(из стихотворения Петра Вяземского, 1853 год).

Силуэты венецианских мостов настолько причудливы и разнообразны, что порой их хочется сравнить с какими-то живыми существами. Чешскому поэту Ондре Лысогорскому здешние мосты привиделись в образе уютного домашнего питомца:

«Как будто кот за мышкой алой

Бросается из темноты,
Над тихой водой канала
Подскакивают вверх мосты.
Их выгибы бросают тени
Горбатой каменной резьбы
На затонувшие ступени
И на причальные мосты»

(из стихотворения «Венецианские мосты», 1943 г.)

Самый, пожалуй, известный и самый красочный мост Венеции – это Риальто, построенный в конце XVI века в самой узкой части Гранд-канала. Для русского писателя XIX века Владимира Яковлева в этом названии – средоточие всей прелести этого города на воде: «Мост Риальто массивной, но смелой аркой навис над Большим Каналом: это образец прочности древних венецианских построек. Но не массам истрийского мрамора и не рядам магазинов, которыми застроен этот мост, обязан он своей славой... Риальто! Это слово напоминает всю многопоблекшую поэзию лагун, гондол и венецианских маскарадов» [Яковлев 2012, с. 36].

Когда в 1551 году малоизвестный архитектор Антонио де Понте предложил на конкурс проект однопролетного моста длиной 28 метров, многие архитекторы высказывали сомнения в его надежности. Еще большие опасения вызывало то, что на мосту в арочных галереях предполагалось разместить двадцать четыре торговые лавки. Но дерзость архитектора, подкрепленная точными расчетами, победила – мост Риаль-

то стоит и по сей день. Примечательно, что в «Венецианском купце» Шекспира название знаменитого моста – одно из двух итальянских слов, вошедших в текст пьесы (второе, как нетрудно предугадать – «гондола»).

Самый печальный мост в Венеции – Мост вздохов, сооруженный на полстолетия позже моста Риальто. Он соединяет закрытой галереей здание Дворца дожей, где располагался зал суда, и здание тюрьмы. Хотя мост построен в изысканном барочном стиле, осужденным, проходящим по нему в окружении стражи, было, понятно, не до его красот.

Ощущение атмосферы безысходности этого места точно передано в стихотворении 1882 года русского поэта, великого князя Константина Романова, писавшего под псевдонимом «К.Р.»:

Под мостом вздохов проплывала
Гондола позднею порой.
И в бледном сумраке канала
Раздумье овладело мной.
Зачем таинственную сенью
Навис так мрачно этот свод?
Зачем такой зловещей тенью
Под этим мостом обдает?
Так много вздохов и стенаний,
Должно быть, в прежние года
Слыхали стены этих зданий
И эта мутная вода!»

Но это дела более чем тысячелетнего периода правления венецианских дождей. Продолжим разговор о мостах. Британский писатель Питер Акرويد в книге «Венеция. Прекрасный город» отмечает весьма остроумные названия некоторых из них: «Если каналы являются символом разделения города, то объединяют их, безусловно, мосты... Многие из них имеют собственные почетные наименования и прозвища – к примеру, Мост кулаков, Мост наемных убийц или Мост честной женщины. Венецианские мосты часто служили местом битв – или местами любовных свиданий. Самые ранние из них представляли собой деревянные мостки, положенные на опоры или на корпуса лодок; первый каменный мост появился в Венеции не ранее второй половины XII столетия» [Акرويد 2012, с. 274].

Название «Мост кулаков» в городе только у одного моста. Но это никого не должно вводить в заблуждение: кулачные бои проходили не только на этом мосту. Состязание на кулаках было одним из любимых венецианцами зрелищ. Самые крупные противоборства происходили между Castellani, жителями западных районов города, и Nicolotti – драчунами из восточных районов. Акرويد подчеркивает, казалось бы, неуместную театральность подобных схваток: «Костяк этих групп у Nicolotti составляли рыбаки, а у Castellani судостроители... Команды от каждой из этих территорий встречались для битвы на назначенном мосту, в то время как

на улицах, идущих вдоль канала, выстраивались тысячи зрителей. Уличные торговцы предлагали им шарики с заварным кремом и каштаны. Цель прославленного состязания состояла в том, чтобы сбросить в воду противника и занять мост» [Там же, с. 334].

Отметим, что для русского человека кулачный бой не в диковинку. Ведь такие состязания «в удали», особенно в дни разгульной Масленицы, описывались еще летописцем Нестором в XI веке. Между тем строгие правила (драться только голыми руками, не бить лежащего) позволяли практически избегать трагических исходов. В Венеции же такие схватки порой превращались в настоящие гладиаторские бои. Акройд, в частности, пишет, что «полюбоваться на то, как Nicolotti и Castellani сражаются за победу, приглашали заезжих монархов. Когда летом 1574 года Генрих Валуа посетил Венецию, две армии по триста человек устроили битву на мосту в его честь. В то время говорили, что так французу дали понять, что „венецианцы весьма свирепы, неукротимы, безудержны и необузданны“. Сражавшиеся были в шлемах и со щитами. Многие вооружились палками. Бои продолжались часами. Подобные жестокие увеселения нередко имели жестокий конец. Участники сражения получали увечья или раны, а иногда погибали» [Там же, с. 334].

К слову, суровыми нравами Средневековье трудно удивить. Вспомним 70 тысяч погибших католиков во время уничтожения в XVI веке английским королем Генрихом VIII

376-ти монастырей; три тысячи жертв среди гугенотов в Париже в Варфоломеевскую ночь 1572 года; 2000 человек, погибших на кострах в пятнадцатом столетии по личным указаниям Великого инквизитора Испании Томаса Торквемады.

Но вернемся от кровавых побоищ к мостам, где не размахивали кулаками, а... целовались. Вы, уже видимо, догадались, что речь пойдет о мостах Петербурга. От венецианских: зловещего «Моста наемных убийц» или загадочно-го «Моста честной женщины» перенесемся к берегам Невы и вслушаемся в мелодию этих названий: Итальянский, Певческий, Синий, Поцелуев, Львиный.

Скажем, Итальянский мост, соединяющий Казанский и Спасский острова Петербурга, является продолжением Итальянской улицы и располагается рядом с Храмом Воскресения Христова (Спас-на-Крови). Певческий мост связывает Казанский и 2-й Адмиралтейский острова через реку Мойку. Название его произошло из-за того, что мост упирается в ворота Певческой капеллы Санкт-Петербурга. Синий мост тоже располагается на Мойке и свое наименование получил от первоначального деревянного моста, который был выкрашен в синий цвет. Мост еще называют «мостом-невидимкой», так как из-за рекордной среди городских мостов ширины (97 метров) он воспринимается как неотъемлемая часть Исаакиевской площади.

Рядом, тоже на Мойке, находится самый, видимо, лиричный среди петербургских мостов – Поцелуев. Известно,

по крайней мере, шесть легенд о происхождении этого названия. Одна из основных – о том, что в XVIII веке, когда граница города простиралась только до Мойки, на мосту прощались со своими возлюбленными все, кому приходилось уезжать из Петербурга. У известного ленинградского поэта Вячеслава Кузнецова с этим местом связаны свои воспоминания:

«Ликуя, а порой печалюсь,
Я стыл, как птица на лету...
Забудется ль, когда встречались
На Поцелуевом мосту??
Я вспоминал потом в разлуке
То все с начала, то – с конца.
Мосты, мосты! Они, как руки,
Связуют время и сердца».

Главный редактор журнала «Нева», питерская поэтесса Наталья Гранцева вообще считает, что мосты через Мойку обладают особой энергетикой и настолько изящны, что буквально летят над водой:

«Легкий мостик над Мойкой парит.
Ни за что не поверить, что камень
Так воздушно, так хрупко летит
Над родными тебе берегами.
Нет в нем тяжести, мысли, труда,
Нет насилья над зреньем и слухом;

Скажет путник, пришедший сюда:
«Как взойти мне на мостик из пуха?!».

Добавим, что Петербург славится необычными названиями своих мостов. На той же Мойке, кроме Синего, есть еще два цветных (Зеленый и Красный) моста. Через Славянку перекинут Мост Кентавров; в Екатерининском парке можно пройти через Мост у Скрипучей беседки, Недалеко от абразивного завода в 1930 году через реку Волковку был построен Алмазный мост. Есть в городе и мосты, вместе с названиями которых сразу, наверно, всплывают в памяти страницы культовой «Книги о вкусной и здоровой пище» Елены Молоховец: Мучной, Масляный, Сальный, Сельдяной.

Есть в Петербурге мост, который, пожалуй, уж точно пришелся бы по вкусу венецианцам – Банковский. Почему? – спросите вы. Первая ваша версия, наверно, будет связана с тем, что возле этого моста находилось здание Ассигнационного банка, а многие жители города на Адриатике, как известно, были связаны с ростовщическими и торговыми операциями, причем подчас дерзкими и рискованными. Тепло,.. и уже близко к разгадке. Все дело в исполинах, которые удерживают зубами этот цепной мост. Это скульптуры львов с позолоченными крыльями, созданные мастером эпохи классицизма Павлом Соколовым. В античной мифологии крылатый лев является хранителем сокровищ, и недаром именно он сформировал центральный образ герба богатой Венеции.

анской республики.

Застывшим исполинам Банковского моста посвящены следующие строки ленинградского поэта Дмитрия Бобышева, и, что удивительно, ведут они себя как живые:

«Над рвом
крылатый лев сидит с крылатым львом
и смотрит на крылатых львов напротив:
в их неподвижно-гневном развороте,
возможно, даже ненависть любя,
он видит повторенного себя»

Глава 2. «Взгляни: вселенная – сквозной, бездонный ветер – // Швыряет пыль в глаза строителю хором» (чудо-города вопреки)

2.1. Утопия «у топи»

Венецию и Петербург объединяет не только то, что оба видятся как через прозрачную синеву воздуха, как и в многочисленных отражениях зеркальной поверхности окружающей их воды. Не только то, что их жители построили храмы и жилища на непригодном для этого основании – болоте, т.е. практически реализовали утопию «у топи» [см. Стеклова 2013, с.221]. И не только то, что внешний облик этой «утопии» – великолепие и изящество.

Венецию и Петербург связывает еще и то, что, как представляется, и пусть это не покажется излишним преувеличением, это – «чудо-города вопреки». Вопреки внешнему политическому окружению; вопреки природно-климатическим условиям; вопреки отживающим традициям. У Омара Хайяма есть рубаи с предупреждением для тех, кто задумал строить дом на ненадежном фундаменте:

«Постыдно забывать, как скоро прочь пойдем,
На зыбкой пустоте пытаться строить дом.
Взгляни: вселенная – сквозной, бездонный ветер —
Швыряет пыль в глаза строителю хором».

Персидский поэт и философ XI века, конечно, уважаемый в мире мудрец, и венецианцы и петербуржцы, думается, к его совету могли бы прислушаться, но сделали ровно наоборот: неимоверными усилиями возвели свои города на зыбкой почве, но на прочном фундаменте, имя которому – ВОЛЯ. Воля к преодолению, воля к основательности, воля к поиску новых смыслов.

Даты основания городов разделяет более чем двенадцать столетий: Венеция – 452 год, Санкт-Петербург – 1703 год. Климатические условия тоже существенно разные: в Венеции климат морской, умеренно теплый (среднегодовая температура плюс тринадцать градусов); город на Неве находится в зоне умеренно-морского климата, однако с сильным влиянием более сурового континентального климата (среднегодовая температура значительно ниже – плюс шесть градусов).

Различны были и обстоятельства основания городов. Племя венетов в V веке начало заселять болотистые острова лагуны в северной Адриатике, спасаясь от нашествия вестготов и гуннов. Царь Петр I в начале восемнадцатого столетия основал Петербург на островах в устье Невы для обеспече-

ния выхода России в Балтийское море. С учетом этих факторов развитие двух городов, естественно, шло по разным сценариям; архитектурные стили вписались в весьма широкий диапазон от византийского до ампира; менталитет жителей был сформирован на основе весьма несходных социальных процессов: в Венеции – путем тесного сотрудничества членов общества друг с другом на компактной территории, в Петербурге – с учетом имперских амбиций новой столицы России и кардинальных реформ Петра I.

Различия породили уникальность и самоценность каждого города. Амбиции пассионариев всколыхнули основную, по природе своей инертную часть социума. Отсюда – скачки в развитии, небывалый подъем экономики, открытия в науке и искусстве.

2.2. В окружении врагов

Для небольшого племени венетов, живших в северо-восточной части Италии и торговавших янтарем, воском, медом и сыром, борьба за выживание в V веке н.э. осложнялась огромным перевесом в численности войск захватчиков. Только отборные части армии предводителя вестготов Алариха составляли более 20 тысяч воинов; кроме того, перед походом на Италию к ним присоединились остготские и аланские отряды. Еще более грозную силу представляло войско вождя гуннов Аттилы, состоявшее из представителей гуннов, бастарнов, остроготов, герулов, ругов и алеманов. Перед решающими битвами численность армия Аттилы могла достигать полумиллиона человек.

Вот что пишет П. Акرويد о вынужденном переселении венетов на острова в Адриатическом море во время нашествия вестготов: «Но, когда изгнанников с материка становилось все больше, в природе лагуны произошли кардинальные изменения. Это был не массовый исход, скорее следующие одна за другой волны эмиграции, достигшие наивысшей точки в конце VI века. Тогда венеты бежали от захватчиков. В 403 году Аларих, вождь вестготов, напал на провинцию Венеция; по словам римского историка Клавдиана, „разнеслась молва о походе варваров и наполнила эту землю ужасом“. Аквилея и Верона пали, множество их жителей в по-

исках безопасности уехали на острова» [Акройд 2012, с. 22].

Венецианские историки утверждают, что именно после первой волны переселения и возникла Венеция. Между тем, Акройд с определенной иронией относится к этому факту, имеющему больше мифологический оттенок: «... город был основан в полдень 25 марта 421 года бедным рыбаком Джованни Боно, или Джованни Добрым. У этой теории есть преимущества, так как она сближает три даты – день весеннего равноденствия, Благовещение и предполагаемую дату основания Рима. Тройное совпадение, так же как и своевременное появление Джованни Боно, слишком хорошо, чтобы быть правдой, но это часть необычной способности венецианцев вытеснять историю мифом» [Там же, с. 25]. Через четверть века новая угроза пришла от гуннов: «В 446 году Атиллы захватил римские провинции от Дуная до Балкан, а затем, шесть лет спустя, взял Аквилею. Альтино и Падуя тоже были разграблены. От этих бедствий беглецы снова спасались в лагуне» [Там же, с. 23].

О поистине волшебном превращении первых поселений венетов в изумительный город в стихотворении «Старый дож» написал Аполлон Майков:

«Кто сказал бы в дни Аттилы,
Чтоб из хижин рыбарей
Всплыл на отмели унылой
Это чудный перл морей!»

Через два десятилетия после нашествия гуннов произошло знаковое событие, во многом предопределившее дальнейшее развитие общественной жизни будущей Венецианской республики: «Островитяне были неуживчивы и соперничали друг с другом; в лагунах не было единства. И вот, в 466 году в Градо, двадцать лет спустя после появления Аттилы, состоялось собрание венетов лагуны. Было решено, что каждый остров будет представлен трибуном и что трибуны будут работать вместе для общего блага. Ведь они сталкивались с одними и теми же опасностями и трудностями – не в последнюю очередь, с набегами моря. Это было первое проявление публичного и общинного духа, который впоследствии ясно проявится в Венеции» [Там же, с. 23 – 24].

Продуманная система администрирования и предпринимательский дух переселенцев довольно быстро принесли первые результаты: «К VI веку присутствие венетов в этом регионе стало определяющим. Им платили за перевоз людей и товаров между портами и гаванями материка. Они переправляли византийских солдат из Градо до реки Brenty. Отвозили чиновников и купцов в Византию. Уже тогда они были известны мореходным искусством. Их суда поднимались по рекам Северной Италии, по пути торгуя солью и рыбой в городах и деревнях» [Там же, с. 24].

Вопреки неблагоприятным внешним факторам, даже с немалой долей политического риска для его основателя, состоялось основание Петербурга. После поражения под Нар-

вой от армии шведского короля Карла XII в 1700 году (с потерями восьми тысячи человек и 14-ти орудий) перед Петром I стоял тяжелый выбор. Необходимо было не только восстановить боеспособность российской армии для дальнейшего продолжения Северной войны, но и найти стратегическое решение для кардинального улучшения ситуации. Нужен был выход к Балтийскому морю. Одним из нескольких вариантов получения доступа к морской акватории было укрепление на территории, примыкающей к устью реки Невы.

Как пишет историк Дмитрий Володихин, «эти болотистые, неплодородные и малонаселенные места оказались ключевым полем на „шахматной доске“ большой политики. Владевший ими получал ключ от всей „позиции“ огромного региона. Из Финского залива по Неве можно было добраться до Ладожского озера, а оттуда подняться по реке Волхов до Новгорода Великого или по Свири до Онежского озера. Закрыв широкую Неву для судоходства, можно было отрезать целую область от выхода в море» [Володихин 2001, с. 228].

Вместе идея Петра построить на зыбких, болотистых почвах дельты Невы новый огромный город и впоследствии перенести сюда столицу государства из патриархальной Москвы страшила непредсказуемостью результата. Тем более, что главную часть города царь, вопреки мнению многих приближенных, задумал возвести не на территории бывшей шведской крепости Ниеншанц (на месте впадения реки Охта

в Неву), а гораздо ближе к Финскому заливу. Создатель «Истории государства Российского» Николай Карамзин даже называл «блестящей ошибкой Петра Великого основание новой столицы на северном крае государства, среди зыбей болотных в местах, осужденных природою на бесплодие и недостаток».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.